

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ (XX ВЕК)

М.К. Мамардашвили

2003

Курс лекций или, как называл их автор, "бесед" по истории современной европейской философии.

Введение к которым публикуется ниже, был прочитан Мерабом Константиновичем Мамардашвили в конце 70-х годов (с 4 октября 1978 г. по 30 мая 1979г.).

Изгнанный к тому времени из редакции журнала "Вопросы философии" и лишенный аудитории, М.К. охотно согласился прочитать этот курс для студентов ВГИКа, куда его пригласили по рекомендации друзей. Наряду с этим курсом, в течение трех лет, пока его не вынудили покинуть Москву, М.К. прочитал также во ВГИКе еще два спецкурса: "Введение в философию" и дважды - цикл лекций по истории античной философии. Впоследствии он объединил их под общим названием "Беседы по философии для начинающих". В настоящее время они готовятся к печати и будут изданы в виде отдельных книг в издательстве "Прогресс". Курс по истории современной философии состоит из 26 лекций-бесед.

Ю.П. Сенокосов

Беседа 1

Введение

Мой курс, который я собираюсь читать, представляет собой обзор основных направлений и школ современной европейской философии. Повторяю, европейской, поскольку о философии, как таковой, мне будет говорить трудно из-за отсутствия у вас специальных знаний. Поэтому в дальнейшем я буду исходить из того, что вы практически ничего не знаете о том, о чем нам придется беседовать. Попытаемся сделать так. Я не буду пересказывать вам содержание философских учений. Для этого есть учебники и учебные пособия, не говоря уже о самих философских текстах, которые, я надеюсь, вы прочитаете, если они вас интересуют. Для понимания того, о чем я буду говорить, особой необходимости в знании философских систем не будет по одной простой причине. Я попытаюсь, как сказал, не излагать содержание текстов, а постараюсь выявить основные сквозные идеи современной философской культуры, которые в разных выражениях, в разных формах встречаются у разных авторов и в разных философских направлениях, создавая тем самым и акт моего говорения, в сущности, противоречит самому себе, поскольку я пытаюсь посредством его сообщить вам что-то, а говорю, что философия не сообщается, ее нельзя преподавать. Это абсурдно. Почему? Потому что философия есть нечто, что случается с двумя людьми. На полднорочи. То есть, когда, скажем, я один и вы, как учащиеся, как студенты, уже проделали какой-то

СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ (XX ВЕК)

М.К.Мамардашвили

2003

Курс лекций или, как называл их автор, "бесед" по истории современной евро-пейской философии.

Введение к которому публикуется ниже, был прочитан Мерабом Константиновичем Мамардашвили в конце 70-х годов (с 4 октября 1978 г. по 30 мая 1979г.).

Изгнанный к тому времени из редакции журнала "Вопросы философии" и лишенный аудитории, М.К. охотно согласился прочесть этот курс для студентов ВГИКа, куда его пригласили по рекомендации друзей. Наряду с этим курсом, в течение трех лет, пока его не вынудили покинуть Москву, М.К. прочитал также во ВГИКе еще два спецкурса: "Введение в философию" и дважды - цикл лекций по истории античной философии. Впоследствии он объединил их под общим названием "Беседы по философии для начинающих". В настоящее время они готовятся к печати и будут

изданы в виде отдельных книг в издательстве "Прогресс". Курс по истории современной философии состоит из 26 лекций-бесед.

Ю.П. Сенокосов

Беседа 1

Введение

Мой курс, который я собираюсь читать, представляет собой обзор основных направлений и школ современной европейской философии. Повторяю, европейской, поскольку о философии, как таковой, мне будет говорить трудно из-за

отсутствия у вас специальных знаний. Поэтому в дальнейшем я буду исходить из того, что вы практически ничего не знаете о том, о чем нам придется беседовать. Попробуем сделать так. Я не буду пересказывать вам содержание философских учений. Для этого есть учебники и учебные пособия, не говоря уже о самих философских текстах, которые, я надеюсь, вы прочитаете, если они вас заинтересуют. Для понимания того, о чем я буду говорить, особой необходимости в знании философских систем не будет по одной простой причине. Я

попытаюсь, как сказал, не излагать содержание текстов, а постараюсь выявить основные сквозные идеи современной философской культуры, которые в разных выражениях, в разных формах встречаются у разных авторов и в разных философских направлениях, создавая тем самым и акт моего говорения, в сущности, противоречит самому себе, поскольку я пытаюсь посредством его сообщить вам что-то, а говорю, что философия не сообщаемая, ее нельзя преподавать. Это абсурдно. Почему? Потому что философия есть нечто, что случается с двумя людьми. На полдороги. То есть, когда,

скажем, я один и вы, как учащиеся, как студенты, уже проделали какой-то жизненный путь и своим личным опытом, своими личными испытаниями приведены к тому, чтобы поставить в дилетантской форме или форме любознательства перед собой какие-то вопросы, которые являются философскими. И тогда вам необходима встреча с профессиональной философией. Вы и сами можете не знать при этом, что уже половину пути прошли, а можете догадаться. Но если вы половины пути не прошли, то никакого философского знания передать вам я не смогу, ибо оно,

повторяю, не сообщается, а есть личный акт.

То есть, философия имеет непосредственное отношение к личности. И это, я думаю, главное. Потому что личность такой феномен, который не существует сам по себе, не рождается натуральным образом, а может возникнуть или не возникнуть, может родиться в человеке, а может и не родиться. Это не значит, конечно, что только философия способна помочь ее рождению. Личность создается особыми актами и особыми переживаниями. Это особая структура в человеке, некий образ его

совершенства. Но чтобы понять этот образ, а не только его почувствовать, чтобы понять в себе себя и подняться над собой, нужна философия, нужен философский акт, а он труден. Ну, скажем, мы часто в нашей обыденной речи употребляем выражения, которые указывают на мудрость независимо от нашей личной мудрости. Есть гений языка, на котором мы говорим. И мы, поэтому точно употребляем термины, порой не отдавая себе в этом никакого отчета. Ибо через нас, повторяю, говорит гений языка. Например, мы различаем поступки, вызванные какими-то причинами -

страхом, радостью, голодом, сытостью, желанием что-то изменить, сделать и т.д. И говорим: человек поступил так-то, потому что... То есть, наш язык содержит в данном случае причин-ные термины. А иногда мы вдруг говорим: личностный поступок. А что такое личностный поступок? Или личное решение? Это и есть поступок, причи-ной которого является сам человек. Других причин нет. "Он совершил личностный поступок". Такие выражения мы употребляем и, как правило, точно знаем, когда их употреблять, ибо имеем дело с феноменом личности,

т.е. с тем, что не объяснимо и не выводимо ни из каких вне личности лежащих обстоятельств. Тогда мы говорим: он поступил, как личность. Совершил личностный акт. Так вот, совершение таких личностных актов, в том числе и в сфере мысли, - потому что мысль ведь тоже поступок, - повторю еще раз, имеет прямое отношение к философии. Причем, философия не обязательно должна выглядеть при этом в виде какого-то философского трактата, написанного с использованием специальной терминологии. Она не обязательно существует в форме учений. Она может быть просто

философией на уровне состояний сознания писателя, художника, ученого. И вообще - личности. Профессиональная философия лишь эксплицирует, переодевает в специальные термины то, что независимо от нее существует в культуре, не нося этого названия. Так что не смущайтесь, если вы встретитесь с философией в самых неожиданных местах, а не только на философских кафедрах. Кстати, иногда именно на философских кафедрах вы ее и не найдете.

Сказав о том, что философия связана с феноменом личности, т.е. с тем - есть этот феномен или нет, я хотел

бы теперь вновь вернуться к вопросу о расшифровке и показать на конкретном примере, что это значит. Это приблизит нас к пониманию сути философского, а значит и личностного, акта. К пониманию его особого характера, выраженного в языке. К примеру, зачем и о чем такие встречающиеся в современных философских текстах очень странные порой фразы, как "человек есть бесполезная страсть" - цитата из Сартра. Что она значит? На первый взгляд, эта фраза кажется понятной. Так ведь? Она говорит о пессимизме, унынии, неверии в человеческие силы и т.д. То есть, я

расшифровываю ее, предполагая, что она относится к некоторым состояниям, которые философы называют эмпирическими, психологическими состояниями человека. Уныние, страх, пессимизм - это психологические термины. И, казалось бы, они указывают на что-то реальное в человеке. А в действительности эта фраза означает совсем другое.

Она вовсе не выражает никаких психологических состояний. Ни состо-яния уныния, ни состояния пессимизма, ни страха, а означает нечто другое и может быть понята только как элемент в цепочке

философского рассуж-дения. А философское рассуждение не есть рассуждение о психологии людей, а есть рассуждение, выражаясь метафорически, о делах божественных. В нем нет дела до нашего уныния, до наших состояний подавленности. Поэтому, если вы встречаетесь с подобной фразой, то сразу можете сделать предположение, что она совсем о другом, хотя, к сожалению, часто, из-за неумения читать, такие фразы воспринимаются как признак декадентства, упадничества и пр. Повторяю, в философском контексте (и мы .к этому еще вернемся)

выражение "бесполезная страсть" означает нечто иное. А имен-но, что человек как таковой должен прежде всего мыслить, стремиться стать Богом. Которым он быть не может. То есть, я прошу обратить внимание на этот оборот: человек есть страсть (это, чтобы вы поняли теперь слово "страсть") есть страсть быть чем-то, а не что-то. То есть, человек не есть предмет, а есть направленность к какому-то состоянию. Такого предмета, как человек, в мире нет. Он есть бесполезная страсть, так как есть его стремление выйти из себя и стать Богом. Или можно сказать так: человек существует лишь в той мере,

в какой он в себе преодолевает человека. Или, как сказал бы Ницше, для того, чтобы быть человеком, нужно стремиться к сверхчеловеческому. И тогда последствием стремления к сверхчеловеческому будет человеческое. Как в известной ситуации: хотите занять сто рублей, просите пятьсот. Этим примером лучше всего, видимо, можно пояснить странное желание философа иметь что-то с избытком, чтобы обрести или иметь минимум. Кстати, отсюда, в виду сложности понимания философского языка, появляется и фигура "белокурой

бестии". Знакомое вам, видимо, словосо-четание. Я опять имею в виду Ницше и его идею сверхчеловека или в просторечии - "белокурой бестии" со всеми сопутствующими этому выра-жению обвинениями Ницше в расизме и прочих немыслимых грехах, о которых скучно говорить; вы сами, очевидно, легко можете заполнить этот словесный ряд. У Ницше этого нет. Он говорил на философском языке. Он не имел в виду какую-то расу, а тем более - немцев. Он презирал, ненавидел их и был далек от мысли восхвалять их настолько, что выдавал даже себя за потомка

польских князей, лишь бы не быть немцем. Это фигура речи философская. И означает она лишь то, о чем я только что говорил.

Сверхчеловеческое. Это главное в человеке. Человеком можно быть лишь преодолевая в себе человеческое, "слишком человеческое". Опять цитирую Ницше. Словосочетание "человеческое, слишком человеческое" - это классическое, или вернее, ставшее классическим, выражение Ницше.

Итак, что я сказал? Я пытался пояснить вам специфику философского языка и одновременно

необходимость с ним осторожно обращаться. Повторяю: "Человек есть бесполезная страсть" или "сверхчеловек", если мы поймем эти слова в ряду слов обыденного языка, то ничего не поймем. Это не значит, что должна придти раса "сверхлюдей". Это философский воля-пюк. Жаргон, если хотите, но без него нельзя мысли некоторые выразить. Поэтому приходится жаргон изобретать. Это свойство, кстати, всякого жаргона, как студенты, вы ведь тоже способны, наверно, так разговаривать между собой по-русски, что я ничего не пойму, поскольку это жаргон вашего

поколения, а у моего поколения был свой жаргон. И в нем есть необходимость. Есть какие-то вещи, которые можно высказать только на этом языке. А есть вещи, которые можно выразить только на философском языке.

Далее, поясняя характер философского языка, требующего особой осторожности, я указал на феномен личности. Я обратил ваше внимание на то, что человек есть такой предмет в мире, который отличается от всех других предметов в нем. Мы ведь не считаем себя людьми только потому, что у нас два глаза, нос, две руки или две ноги. Мы

знаем, что две ноги, два глаза, нос и т.д. - это животное. А человек это что-то особенное. Значит, уже на уровне языка мы имеем в виду что-то особенное. И тогда, как философ, я говорю: это специфический феномен в мире. То есть, то, что само по себе, натуральным образом не существует и не рождается. Рождается существо о двух ногах, двух руках, глазах и т.д. Но не это мы называем человеком. Философы и религиозные мыслители часто находили для этого возвышен-ный язык. Они называли это очень красиво. О человеческом в нас они говорили: "второе рождение". Или Платон называл это -

"второе плавание". Первое плавание: человек родился и вырос. Он растет, потом стареет, его сопровождают какие-то события, он плавает в море жизненных обстоятельств. А есть "второе плавание", "второе рождение", представляющее собой особый акт. Акт собирания своей жизни в целое, организации своего сознания в целое, в том смысле, как это слово применяется к художественному произведению, как к некоему органическому единству, которое не само по себе складывается. Поэтому не случайно, кстати, всегда, а в XX веке особенно, в истории культуры фигурирует идея

жизни, как художественного произведения. Ее содержание шире, чем я сейчас сказал. Но само наличие ее в нашем языке говорит об особом характере человеческого феномена.

Так вот, эти акты, посредством которых случается второе рождение или второе плавание, неотделимы от философии. Они содержат в себе элемент философствования. Знаем мы об этом или не знаем. И следовательно, философия есть профессиональное занятие (на языке особых терминов и понятий, особых представлений), этой вещью. А именно всем тем, благодаря чему

случается второе рождение, без чего оно произойти не может. Это можно пояснить простым указанием на способ существования человеческих явлений. В самом деле, существуют ли такие человеческие явления, как законы, нормы, поступки определенного рода, сами по себе? Или скажем так: могут ли они длиться сами по себе? Ведь нередко о законах и о человеческих интуициях мы склонны рассуждать также как о деревьях и камнях. То есть, как сказал бы философ, пребывает, существует само по себе. А человеческая свобода? Или демократия? Законность?

Существуют ли они в таком же смысле? Допустим мы установили, что мы свободны. Но будем ли мы свободны от того, что мы это установили?

Из того, что уже частично говорилось, явно следует отрицательный ответ. Не существуют. Ибо все явления подобного рода, раз случившись, или однажды установившись, будучи изобретены, - а они именно изобретаются, - если можно так выразиться, ценой риска, крови, самопожертвования, страсти, в том числе и бесполезной, как мы узнали из формулы Сартра, ценой понимания; раз установившись,

далее, чтобы существовать, требуют
опять страсти, крови,
самопожертвования, понимания, т.е.
таких сильных желаний человека,
которых у него нельзя отнять, не
отняв при этом самой жизни. Таков
закон их существования, связанный с
человеческим навыком делать
определенные вещи. И он не есть
явление природы, не записан в
структуре космической туманности
или солнечной системы. Этот закон -
условность, но это условность такого
рода, что раз установившись требует
в каждый данный момент того,
чтобы достаточно большое число
людей совершало усилие,

направленное на то, чтобы он был, чтобы люди жили сообразно этому закону. Другими словами, наши усилия, понимание, желания должны воспроизводиться. Отсюда возвышенная и глупая фраза, я называю ее глупой, потому что не люблю сентиментальных фраз, а она явно сентиментальная - известного немецкого поэта: "Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой". Она очень хорошо переведена на русский язык именно потому, что русский язык насыщен сентиментальностями, они в нем легко выражаются. Он весь как бы на цыпочках всегда приподнят.

Особенно в кино. Но если отвлечься от флера сентиментальности, то мысль в этой фразе - верная. Она выражает как раз тот закон, по которому живут все человеческие установления, в том числе, например, и демократия. Как известно, ее нельзя дать извне. Если нет достаточного числа людей, которые с риском для жизни готовы вос-производить свою потребность в демократии, то демократии нет. Демократия - это закон и одновременно навык, умение, мускулы человека, позволя-ющие ему жить в сложном обществе. История показывает, что бывают общества,

граждане которых не способны и не умеют жить в условиях сложной социальной структуры. В структуре дифференцированной, артикулированной, формализованной. Они не умеют ее строить. Например, русские люди начала XX века явно не умели жить в ней, и поэтому не хотели нрава, а хотели справедливости, не хотели истины, а хотели правды. То есть хотели вещей, которые устанавливаются интуитивно, без каких-ли-бо сложностей и опосредованных звеньев. Не случайно поэтому на этой почве появилась идея непосредственного управления,

расцвела критика "формализма" буржуазного права, формализма представительских инсти-тутов и т.п. Так, отвечая на вопрос, что такое человеческий феномен, я подвел вас к одной из тем современной философии. Указав на образ русской общины, русского "мира", я просто напомнил знакомое, а могу сейчас для описания этого же явления воспользоваться термином, который возник в философской культуре, немецким термином Gemeinschaft, в отличие от Gesellschaft. Gemeinschaft это, условно говоря, - поскольку в русском языке трудно подобрать адекватное понятие, - общность, а

Gesellschaft - общество. Общество - формально, содержит в себе различные секторы, классы, институты, отличные один от другого. В нем власти разделены. А общность - это общение людей, которое устанавливается непосредственно и обозримо всеми его участниками. Так вот, органическое Gemeinschaft стало противопоставляться в современной философской культуре формальному Gesellschaft. И как немцы использовали это в фашистской идеологии? Народ существует и народ должен непосредственно управлять самим собой. А как он

может непосредственно управлять? Без разделения властей, без системы представительства. А очень просто: один народ, один фюрер. И вы знаете, к чему это привело. Но индивидов, которые являются носителями такого рода идей, бессмысленно упрекать в том, что они не понимают, что такое демократия, как не понимали этого немцы. Все по той же причине. Послевоенная история Западной Германии свидетельствует, насколько трудно установление человеческих институций, если они не вырастают из души, способности, умения каждого. То есть, как я уже сказал:

для каждого закона человеческого, для его существования нужно достаточно большое число людей, из глубин потребностей, умений, риска и страсти которых этот закон вырастал бы. На философском языке это и означает, что человеческие явления не длятся, а все время должны воспроизводиться. Иначе их просто нет.

Значит, когда мы говорим о человеческом усилии, пульсациями которого человеческие установления только и живут, то следовательно мы должны говорить и о том, как это усилие совершать. Если что-то в мире зависит от меня, от моего

усилия, то это усилие я должен уметь совершать. Религиоз-ные авторы в таких случаях говорили, например, что не только человек нуждается в Боге, но и Бог нуждается в человеке. Понятна эта фраза? То есть, все, что божественно (а божественны такие вещи, о которых я только что говорил), требует к себе соответствующего отношения. В каком смысле божественен закон? Он не психологичен. Ему нет дела до наших состояний радости, волнений и т.д. И его не существует без нашего усилия, без понимания этой фразы. Совершение этого усилия, таким образом, сложный акт и может

поддерживаться только культурой, а к этому имеет отношение философия. То есть, философия, как я уже предупредил вас, не знание, а техника, во-первых, понимания необходимости такого усилия (а это само собой не очень понятно), и, во-вторых, техника совершения этого усилия. Скажем, в каком-то смысле вся античная философия, в лице Платона, если условно считать его наиболее полным выразителем античной философии, есть акт, совершенный Платоном в связи с убийством Сократа. Общество убило Сократа, и это заставило Платона философствовать. Как так? Если

Сократа убивают, что же тогда? И Платон ищет ответ на этот вопрос. Сам вопрос распадается на много составных частей, но я хочу сказать, что в акте философствования есть вынуждение. Вынуждение к постановке вопросов. И задавание этих вопросов, рассеивание определенных иллюзий, докапывание до сути дела и есть философия. Поэтому о философии одновременно и увлекательно говорить и трудно. И также трудно ее передавать. Поскольку она связана, повторяю, не просто с усилием чтения текстов, а с усилием самой жизни; чтобы мой акт жизни

воспроизводил не меня в мире, а воспроизводил порядок. То есть, если когда я чего-то не делаю, то что-то в мире рушится. Например, рушатся, умирают человеческие законы. Передать все это почти невозможно. Поэтому все, что я буду говорить в дальнейшем, будет, видимо, в каком-то смысле напоминать "проповедь", хотя я надеюсь, что сумею обозначить и какое-то аналитическое содержание, а не просто навеять свое состояние, свои впечатления от характерных для XX века философских учений, которые я могу теперь перечислить. Это: экзистенциализм,

феноменология, неопозитивизм или логический позити-визм, философская антропология, философия жизни или философия куль-туры, герменевтика, метафизика и т.д.

Но - тут сразу же встает следующий вопрос: почему так? Почему каждый раз речь заходит о новой философии, отличной от той, которая была? В частности, о современной философии в отличие от классической. Ведь были же стройные и красивые философские построения XVII, XVIII, XIX веков. Почему должна быть другая

философия и почему она должна отличаться от предшествующей? Почему классическая философия - это философия разума, просвещения, рациональности, а современная, как иногда выражаются, это декаданс, вырождение, отказ от идеалов разума, от идеала рациональности? Или, другими словами, почему современная философия в целом характеризуется некоторыми иррационалистическими тенденциями и чертами? Задав, однако, такой вопрос, мы должны вспомнить о великодушии, т.е. о нашей способности вначале

вместить, принять даже то, что нам кажется непонят-ным или неприятным. И тогда, задав себе этот вопрос по правилам великодушия, мы обязаны призадуматься вообще о ситуации, в которой мы оказались в XX веке. То есть, о том, что охватывает жизнь многих стран, многих миллионов людей и ставит их, в общем, перед сходными проблема-ми? Но что это за проблемы, которые потребовали нового философского языка, новой терминологии? И соответственно - новых имен.

Какие состояния рождены в культуре XX века? Выражены они на языке

философии или не выражены? Я же сказал, что, с одной стороны, можно говорить о философии учений, а с другой, существует философия реальная. Например, Эйнштейн не был философом-профессионалом, он не создавал специального философского учения, но некоторые акты физического мышления, совершенные им и лежащие в основе теории относительности, являются несомненно философскими. По своим чертам, но своему способу осуществления. И не важно, применимы к ним слова и термины, заимствованные из философских доктрин или нет. Доктрин может не

быть, а философия существует. Следовательно, есть какие-то состояния, для кото-рых уже нашлись символы, циркулирующие в культуре. И в атмосфере этих состояний возникают новые современные философские направления.

К таким состояниям, не имеющим собственного аналитического языка, и применимы правила экспликации или расшифровки, о которых я говорил, требующие рассмотрения их (состояний) в качестве косвенных текстов. Или, как сказал бы Маркс, "превращенных форм".

Преращенными фор-мами являются

формы, которые говоря А, на самом деле говорят Б. Причем, об этом может не знать не только тот, кто слышит говоримое, но и тот, кто говорит. Или можно сказать еще так. Все подобные формы-состояния требуют и поддаются психоанализу, или психоаналитической процедуре, если психоаналитическую процедуру понимать широко. А именно, как попытку анализа того, почему и как кто-то, имея в виду сказать А, на самом деле, несмотря на свое намерение, говорит Б. (Кстати, при перечислении философских направлений я забыл упомянуть, наряду с феноменологией,

экзистенциализмом и т.д., психоанализ, который не является философией, а есть наука, но содержит в себе существенные философские вещи, необходимые нам для понимания духовно-культурной атмосферы XX века в целом).

Но что же произошло? Попытаюсь воспользоваться для начала ссылкой на всем вам известное явление.

Можно сказать, что в каком-то смысле вся современная культура и философия есть ответ на первую мировую войну; стремление осмыслить, переварить, освоиться как-то с этим событием 1914-18 гг.

Но дело в том, что всякие такие попытки определяются, на мой взгляд, теми же пружинами, которые эту войну вызвали. На переломе веков действительно что-то происходило, что увенчалось или увенчало себя первой мировой войной, совершенно непонятной для традиционной классической культуры, войной, которая не укладывалась ни в какие правила человеческого понимания, ни в какие навыки просвещения и принципы разума. Но что же? Как философ, я буду, разумеется, говорить не в терминах политики или экономики.

Вот существует, например, слово "проблема". Что такое проблема? Проблема - это то, что требует от нас какого-то усилия в освещении ее. И больше ничего. Условимся тогда - современным называть то, что составляет для нас проблему. То есть, требует какого-то усилия понимания. А усилие понимания? Договоримся, что это не просто умственный акт или напряжение мысли, а своего рода процесс перестройки, какой-то переориентации наших привычных навыков понимания. Ведь обычно мы можем понимать нечто, приводя в действие те инструменты, которыми уже распо-лагаем, владеем.

Следовательно, современное или проблематичное будет выступать тогда перед нами как нечто, что мы не можем освоить и понять, приводя в действие умения, которые у нас уже есть, а должны что-то над собой сделать. Не с проблемой сделать, а с собой, пытающимся ее понять. Ну, простая вещь. Например, современной является живопись Сезанна, хотя он родился в 1839 году. Почему? По определению, которое я только что привел. Когда мы стоим перед картиной Сезанна, мы должны с собой что-то сделать, чтобы увидеть, что на ней есть. Это акт отличный от акта стояния, скажем,

перед полотном Тициана.

Повторяю. Современным в отличие от классического или традиционного является все то, перед лицом чего мы должны что-то сделать, чтобы адекватно это воспринять: происходящее, нарисованное, написанное, звучащее. Современной является музыка Стравинского. По тому же признаку. В отличие, например, от музыки Чайковского. (Я напоминаю, что философы рассуждают не на языке оценок - "хорошо" или "плохо"). Когда я говорю: современное или классическое - это не значит, что классическое лучше современного и

наоборот. Что музыка Чайковского хуже музыки Стравинского. В философии говорят о других вещах, по закону великоду-шия.

Вот, грубо говоря, что такое современная философия. А теперь, если я буду на левой стороне этой доски выписывать названия вещей, которые подходят под определение современных, а на правой - даты, когда они появились, то мы обнаружим следующее.

Например, вы знаете, что существует генетика. Однако, чтобы с ней освоиться, традиционному европейскому сознанию пришлось изрядно поработать; причем, в том

числе иногда прибегали при этом и к средствам, близким к уголовному кодексу. Как это было у нас в 1949 году, если не ошибаюсь. -

Современное явление? Современная наука? Да. Настолько современная, что даже к уголовному кодексу приходилось обращаться. Я напишу дату, когда эта наука появилась: 1900 год. Год "переоткрытия" законов Менделя в результате чего началось, так сказать, официальное развитие экспериментальной генетики (сам термин появился в 1906 г.) как особой научной дисциплины, занятой решением загадки наследственности и изменчивости.

Или квантовая физическая теория - современное явление? Безусловно. Ее тоже, чтобы понять, нужно сделать что-то с собой и тогда только услышишь содержание ее формул. Напишу дату - тоже 1900 год. Год открытия Планком нового закона теплового излучения. Теория относительности -. 1905 год. Абстракционизм, Кандинский - 1911 год, выход в свет его книги "О духовном в искусстве". И т.д. То есть, что бы я ни перечислял, подобное названному, все это продолжает нас приводить в состояние Unbehagen как сказали бы немцы, т.е. в состояние

замешательства, неловкости. И мы из этого замешательства можем выйти, только что-то с собой совершив. Перед лицом Сезанна, Планка, Эйнштейна и т.д. И тогда мы начинаем понимать, что историческое время отличается от хронологического. В самом деле, с точки зрения масштаба абстрактное хронологическое время измеряется течением и раз-мером нашей жизни. А наша жизнь, допустим, в лучшем случае 80 лет. Громадный срок! 1900 год далек от нас. Целая человеческая жизнь. Казалось бы, бесконечно далек. А с точки зрения исторического времени? - Мы

продолжаем жить в 1900 году. Опять же по определению, если жизнью, живым считать только проблемы.

Мертвое никогда не является проблемой. А это - проблема для нас. Значит, мы живем там. Хотя прошло добрых 80 лет. Потому что тот период, о котором я вам говорю, условно можно обозначить так: 1895-1918. То есть, время перед войной и захватывая войну. Кстати, в год начала войны был написан (издан он позже) и "Метафизический дневник" Габриэля Марселя. Это первый экзистенциалист. Или заскочу в другую область - Марсель Пруст. Новый роман. Его роман "В поисках

утраченного времени", первый том которого увидел свет в 1913 г., читать трудно. Опять повторяю: он не плох и не хорош в рамках нашего рассуждения. Я, например, его люблю, считаю лучшим романом XX века, но это - не философское высказывание. А мы философией занимаемся и обнаруживаем, в том числе и на этом примере, что историческое время иначе построено, и инаковость его построения представляет интерес в том смысле, что указывает на факт нашей жизни в какой-то точке, что наши 80 лет сжались в какую-то точку, и эта точка - рубежная точка

предвоенных и военных лет 1914-1918 гг. Мы все еще живем там. То есть, мы сегодня пытаемся решить то, что пытались решить тогда.

Осваиваемся с тем, что изобрели или пытались изобрести тогда, на рубеже веков, когда начался какой-то очень существенный перелом культур, очертания кото-рого, хотя в это и трудно поверить, все еще неясны нам, потому что он имеет, очевидно, более крупный масштаб, чем масштаб нашего опыта, мерки нашего понимания. Он подобен как бы крупному доисторическому животному, у которого мы видим лишь хвост или голову, а остальная

часть туловища теряется где-то в тумане, причем, в тумане будущего. Поэтому мы все еще с трудом понимаем, что с нами происходит. Но удовлетворимся пока тем, что мы уже знаем. А именно, что происходящее с нами сегодня уходит корнями к началу века и что одним из симптомов этого явилась первая мировая война, загадавшая загадку всему нашему предшествующе-му гуманистическому миропониманию, всей традиционной цивилизации. Она загадала загадку тем, что в эту цивилизацию не укладывалась, не предусматривалась всей ее духовной устремленностью.

А теперь, хотя бы приблизительно, попытаемся ее разгадать, всматриваясь в узоры той паутины, которая была соткана этой цивилизацией. Действительно, - что выступило основным фактором, повлиявшим больше всего на современную философию, на сдвиги в ее понятийном багаже, а следовательно, в конечном счете и на наш язык, на нашу способность ориентации в мире и понимания мира? Я думаю, этот фактор следующий. Все это время, начиная с конца XIX века, характеризуется, - и чем дальше, тем больше, - развитием феномена, совершенно нового и особого, а

именно, феномена идеологических государств, идеологических структур, или, можно сказать иначе, массовых обществ. Не случайно одна из книг, наиболее характерных для всей современной философии, прямо указывающей на этот феномен, написанная испанским философом Орте-гой-и-Гассетом, так и называется "Восстание масс".

Черты этого явления просматриваются сегодня всюду. Однако впервые они стали проступать все в те же годы начала века. И одним из первых, еще до Ортеги, почувствовал их Поль Валери, французский поэт и эссеист.

У него есть поразительная статья под названием "Немецкое завоевание", относящаяся чуть ли не к концу XIX в., которая поразительна именно тем, что своим содержанием она как бы породила иллюстраций к самой себе. Я хочу рассказать этот своего рода исторический анекдот, исторический случай, произошедший с Валери в 1940 году, который показывает насколько-то точен был французский поэт в своем описании почувствованного им когда-то явления. В своей статье Валери подметил нечто, что в немецкой культуре раньше не наблюдалось, нечто качественно новое, а именно,

нарождавшуюся экономическую политику послебисмарковской Германии, которую на со-временном языке можно было бы назвать тотальной. То есть, какой-то совершенно особый метод ведения дел, предусматривающий полный захват всего. Это он и назвал систематическим или "немецким завоеванием". Я прошу вас держать в голове этот термин - тотальность, систематичность действия.

Так вот, в 1940 году, когда частично реализовалось то, о чем писал Валери, причем, он не имел в виду завоевание, которое произошло в действительности, когда немцы

заняли Париж, заняли Францию. Но заняв Париж, они стали осуществлять цензуру печати, а точнее, используя более цивилизованные методы, контролировать выдачу бумаги. И вот Валери в этих условиях решает издать свою книгу под названием "Дурные мысли". А для этого издательский представитель должен был обратиться к немецкому чиновнику. И тут происходит следующее. Как чиновник реагирует? Его реакция очень характерна. Он говорит, во-первых: "М-да, "Дурные мысли". Но зачем господину Валери иметь дурные мысли разве нет

хороших?.." Потом чиновник задумывается, что-то вспоминает и вдруг произносит: "Простите, простите. А не тот ли это господин Валери, который написал антинемецкую статью?.." Тогда, в 90-е годы прошлого века было другое время, другое государство, после этого многое переменялось, а тотальный чиновник помнил все, что происходило, в том числе и статью Валери, написанную о кайзеровской Германии. Не против той Германии, которую он представлял. Но он был систематичен, он считал, что нужно помнить все, чтобы ничего не пропустить.

Беседа 2

Введение (продолжение)

Итак, в XX веке мы имеем дело с появлением идеологий, идеологических государств или массовых социальных движений. Это обстоятельство радикально изменило ситуацию. Какую? Что я имею в виду под ситуацией понимаемой в терминах философии? Что значит уметь соотносить (а это представляет самую большую трудность, с которой мы сегодня сталкиваемся) философские термины и понятия с их реальным социальным и экзистенциальным

смыслом? Тем более, что философия - это язык, имеющий свои имманентные законы развития.

Говоря о ситуации, я имею в виду ситуацию, в которой оказался разум. То есть, речь идет о ситуации разума. Причем, не о ситуации разума вообще, а разума, который дан каждому человеку; посредством которого человек ориентируется в своей жизни: принимает решения, занимает какие-то позиции, что-то анализирует. Это разум, который нам дан традицией. Тем, что существует де-факто, в виде привычного, уже принятого, как, скажем, в английском языке есть то, что

англичане называют унаследованным произношением. Оно не лучше и не хуже другого, оно просто есть и на его основе составляются словари. Например, известные оксфордские словари. Так вот, нечто подобное можно сказать и о разуме. Повторяю, существует унаследованный способ работы нашего сознания или нашей радио-нальной способности. То есть, способности и возможности человека в хаотическом мире природных явлений, социальных событий, моральных поступков устанавливать какую-то рациональность, какой-то порядок, соизмеримый с упорядоченностью

его души, нравственности и рассуждения. Наподобие с унаследованной упорядоченностью языка и произношения. Таким путем мы ищем обычно соразмерности порядка своей индивидуальной души с миром вокруг нас, или, как говорили древние греки, с космосом, с душой мира, или, например, с социальным устройством, с полисом. Значит, есть социальное устройство, социальное целое, которое больше отдельного человека, есть космос, который также заведомо больше человека, и есть какой-то разум - больше человека. И вот, все эти три вещи должны быть как-то

соотнесены каждым из нас с собой, должны быть соразмерны нам. И я хочу сказать, давая еще одно определение философии, что философия и является техникой установления такой соразмерности. Или, другими словами, философия - это техника, способ делания мира приемлемым, обитаемым для человека. Ведь миры бывают или могут быть обитаемыми, а могут быть и необитаемыми, т.е. такими, в которых человеку трудно или вообще невозможно жить. По многим признакам мир XX века оказался в представлении людей именно таким миром, в котором трудно жить, не

проделав какой-то работы по переосмыслению, укладыванию его в доступные человеку формы жизни и понимания. А для такого укладывания нужны какие-то средства, инструменты. Как, например, философия.

Следовательно, мы могли бы тогда обратиться к уже существующей, унаследованной философии? Но проблема, как я уже отмечал, и состоит как раз в том, что с помощью этой унаследованной, традиционной, классической философии человек не всегда способен добиться желаемой соразмерности. Она не дает ему средств,

чтобы представить, сделать наш мир обитаемым. В этом вся проблема. И, собственно, поэтому появилась современная эпоха в философии. Таким образом, грубо, я бы так охарактеризовал современную европей-скую философию. Это попытка в новой ситуации разума предоставить человеку средства, позволяющие ему, как мыслящему существу, жить в мире; такие средства, которые традиционной философией не даются, по-скольку она не отвечает на целый ряд вопросов. Пафос же современной философии, учитывая существование массовых идеологий, есть пафос

прежде всего антиидеологический. То есть, стремление в идеологическом пространстве сориентировать человека так, чтобы он был не способен приостанавливать в себе действие идеологических механизмов, мог завое-вывать и занимать какую-то позицию, которая из них вытекает. То есть, короче говоря, это опять ситуация очищения сознания, но очищения его теперь от действия идеологических структур, а не только от заблуждений разума наподобие "призраков" или "идолов", о которых писал когда-то Бэкон. Но почему я сказал, что основным

феноменом современности является появление массовых идеологических образований? Давайте посмотрим на это обстоятельство.

Указав на то, что мир должен быть обитаем для человека, я ведь в сущности указал на очень простую вещь. Я фактически ввел тем самым следующую философскую тему. Я хотел лишь этим подчеркнуть, не прибегая к сложной философской терминологии, две вещи, относящиеся к теме. С одной стороны, обратить ваше внимание на сложность мира. Мир всегда сложен, просто сложность эта бывает разная и по-разному узнаваемая. И с другой

стороны - на способность человека вместить эту сложность на уровне своей деятельности и мышления так, чтобы она как бы выростала из того, что я сам, лично могу понять. В чем я лично, своими средствами могу ориентироваться; сложность, которая определяется в конечном счете моими умениями, потребностями и моими знаниями. Все это чудовищным образом запуталось в XX веке. И запуталось прежде всего в силу массового производства, феномена, пронизывающего все европейское общество. Под массовым производством я имею в виду такой рост, кумуляцию

человече-ских умений и усилий по приложению науки к производству, в результате чего порождаются массовые репликации копий, образцов и т.д., и что связано с повышением жизненного уровня людей. То есть, это означает, что лишь немногие в рамках такого производства способны своим трудом и своими умениями обеспечивать жизнь миллионов людей. Но отсюда вытекает, что в современном обществе появляется все большая масса людей, не имеющих отношения к тому, чем они живут. Или я выразился бы так: появляется нечто вроде, в античном

смысле, люмпен-пролетариата, который, в современной литературе и получил не совсем адекватное название масс, или массового общества.

Так вот, это и был новый феномен, о котором я буду говорить, не употребляя пока слова идеология, поскольку оно нам неизвестно. Пока я исхожу из того, что у нас есть лишь какое-то представление о феномене идеологии, но, с моей точки зрения, это представление еще не является знанием о ней. Поэтому оставим пока этот термин в стороне. Что же означает понятие массы с точки зрения духовной и бытийной для

человека? Я сказал, что масса живет за счет реального труда других людей. Уровень жизни растет, многие по-прежнему выполняют механизированные, чисто стандартные виды работ, т.е. он поднимается, растет за счет внедрения в производство изобретений довольно ограниченного числа людей, чувствующих себя вполне на уровне века, поскольку они, как мы выражаемся, занимаются творчеством. А массы, принадлежащие к так называемому обществу потребления? Они живут осадками результатов этого труда.

Причем, структура современного западного производства, где есть проблема выигрыша и прибыли, такова, что оно не выигрывает, скажем, на обвешивании или обмеривании, на том, чтобы обманывать потребителя. Это просто не выгодно сегодня с экономической точки зрения. В отличие от архаических экономических структур, в которых прибыль завоевывалась расточительством, кражей и обманом. В Европе этого давно нет. Реальная прибыль здесь добывается путем массового производства, скрыта в его глубинах и механизмах.

И вот, в этих условиях творческим оказывается труд ограниченного числа людей, но общество может позволить себе содержать массы не приобщенных к нему. И содержать на хорошем уровне. Но тогда встает вопрос: ведь это тоже люди, и они тоже хотят жить духовно, так как у каждого человека есть какая-то потребность быть адекватным себе. Фило-софы и психологи называют это состояние возвышенным термином "айдентити", то есть тождества или самотождества личности. Это когда человек выполняет те требования, которые себе предъявляет, и тем самым

находит-ся, если он их выполнил, в какой-то гармонии с самим собой. Но если ты принадлежишь к люмпен-пролетариату, то как выполнить это требование? Ты потребляешь продукты, они тебе доступны, в том числе и такие, как слова и понятия; теперь они в распоряжении всех и каждого, современные социальные структуры демократичны. Но - как быть? Поясню это примером. Известно, что в истории существовали общества с развитыми системами табу. В том числе и с табу на слова. И это не было прихотью. Более того, некоторые религиозные авторы

делали в этой связи следующий, на мой взгляд, характерный вывод. Он вытекает из того, что стихийно и спонтанно нащупаны правила социальной гигиены. Кроме личной гигиены можно ведь говорить и о социальной гигиене. И она не обязательно должна быть основана на понимании научных законов развития общества. Как известно, чаще всего это искусство. А раз искусство - значит что-то основано на опыте, на опытных наблюдениях и правилах, а не только на точном знании. Так вот, религиозные авторы говорили, хорошо, Христос говорил то-то и то-то и занимал такую-то

позицию, которая вырастала из его свободы. То есть, он был на уровне того, что делал. А не боишься ли ты, что твоя свобода будет опасна для соседа? То есть, что сосед, не будучи настолько развит, как ты, поверивший в Христа, будет делать внешне то же самое и погибнет. Если его слова, которые он произносит, поступки, которые он совершает, не будут вытекать имманентно из его состояния.

Я уверен, что в современной культуре есть много такого, что опасно для соседа, ибо, повторяю, это сложный, невероятно сложный продукт, в который вложено много труда. А

результаты этого труда доступны всем. Но тем самым они несут опасность, если мы не на уровне того труда, который в него вложен.

Повторяю, эта опасность одна из реальных в XX веке. То есть, с одной стороны, мы имеем здесь дело с очень сложным феноменом массового производства, а с другой, - эта сложность требует от каждого из нас саморазвития, чтобы жить на уровне той материальной, предметной и сложной среды, которая всех окружает, являясь продуктом специальной и весьма изощренной деятельности.

Следовательно, нужно очень много

работать над собой, а человек ленив.
Работать - трудно. Помните, у
Пушкина:

мы, русские, ленивы и
нелюбопытны. А тут нужно
вкладывать без какой-либо
перспективы на ближайшую прибыль
очень большой капитал в себя. И это
должен делать каждый. А это трудно,
повторяю, человек ленив.

Естественным образом ленив. Также
как и естественным образом
трудолю-бив, ибо у него есть, как я
сказал, неотъемлемое право и
потребность быть в мире с самим
собой. То есть, сохранять уважение к
самому себе. И вот, в этот зазор

между естественной ленью и столь же естественной, но неопределенной потребностью уважения к себе, вставляются некоторые схемы, упрощающие мир. Назовем их схемами упрощения. Они, с одной стороны, позволяют человеку не работать, не думать, а с другой - вполне удовлетворяют его потребность в "айдентити", т.е. в тождестве, уважительном тождестве с самим собой.

Эти схемы делают мир простым. Ну, скажем, действие такой схемы я видел в одном французском фильме, поставленном женщиной, француженкой по фамилии

Мальдорор. Если вашему уху это совпадение имен что-нибудь говорит. Возможно вы знаете, что одна из самых современных книг, хотя она была написана в XIX веке, называется "Песни Мальдорора". Это книга Лотреамона. Так вот, эту даму по фамилии Мальдорор повлекло в Анголу, когда Ангола еще была португальской колонией, где она сделала фильм полностью выполненный в сочувствии к правам и требованиям аборигенного населения Анголы. И там есть одна сцена, ментальность ее пронизана парижскими левыми модами, в которой носитель просвещения в

кружке, похожем на кружки политграмоты России 1917-18 годов, объясняет очень внимательно слушающим его людям то, как устроен мир, чтобы они лучше его понимали и лучше боролись. Он говорит: почему в мире есть бедные? И отвечает: потому что в мире есть богатые. Если не было бы богатых, то не было бы и бедных! Вот, это одна из типичных схем, упрощающих мир. То есть, мир-то остается сложным. Но он упрощается в некотором способе переживания его, иллюзорно о упрощается, вызывая эффект уважения к самим себе у тех, кто подобной идеологической схеме

открыт, избавляя их от необходимости ломать голову, думать и пр.

Так вот, массы или люмпен-пролетариат представляет собой очень сложную проблему в XX веке именно потому, что это и есть та совокупность людей, которая охватывается такого рода схемами. Почему речь идет о массовом обществе? Потому что имеется в виду не просто большое количество людей, а такое их количество, которое связано между собой посредством клея представлений, упрощающих мир и тем самым каким-то образом удовлетворяющих

этих людей. Ведь, скажем, раньше в условиях существования традиционных социальных структур люди узнавали и идентифицировали себя прежде всего по длительности своего происхождения. То есть, по тому, скажем, что они вели себя от таких-то предков. Социальные деления были довольно жесткими и неподвижными. Трудно было, например, из крестьянского сословия перейти в буржуазное. Это традиционные общества, в которых связи между людьми складывались веками. А в XX веке? Множество выбито из колеи, из традиционных ячеек и связей и, казалось бы,

обречено поэтому на одиночество. Однако будучи выбитыми из традиционных ячеек, люди тем не менее объединены. Но будучи людьми без рода и племени, они представляют собой весьма значительную и грозную силу, поскольку известно, что массовые представления обладают инерцией и силой, вполне сопоставимой со стихийными явлениями природы - землетрясениями, затмениями, бурями и т.н. Значит, в современной ситуации человеку, который захотел бы открыть глаза на мир и сориентироваться в нем, т.е. предпочел бы думать свои мысли, а

не чужие, сделать ото не так просто. С точки зрения проблем личности, современная ситуация необычайно сложная, интенсивная ситуация. И, конечно, человек ищущий порядка, рациональности, а не упрощающих схем, невольно обращается или должен обратиться в этой связи к тому, что есть в традиции. И вот он возьмет, скажем, книги или идеи Декарта, Канта, Гегеля в надежде, что они помогут ему сориентироваться. И окажется, что помощи он там не найдет. Потому что они не содержат ответа на целый ряд проблем, появившихся в результате современного развития.

Так, я вновь возвращаю вас к теме ситуации, но на уровне уже теперь того, что мы имеем в ней в философском смысле слова.

Возьмем ситуацию разума с точки зрения того, как она выражена в наличных или унаследованных философских понятиях, традиционной рационалистической философии. Разумеется, классическая традиционная философия, называемая рационалистической, не была таковой. В ней были и исключения, как, например, философия романтиков и т.д. Но я это в данном случае опускаю, поскольку хочу

обрисовать вам суть дела. Однако, прежде, еще об одном обстоятельстве социологического порядка. О социальном положении тех людей, которым дано мыслить и понимать и о форме, в которой они акт понимания и знания выполняют. Или, другими словами, о социальном положении интеллигенции и о форме выполнения ею интеллектуального труда. На это важно обратить внимание, поскольку из соци-ального положения и социальных форм, в которых интеллектуальный труд выполняется, вытекают некоторые следствия, влияющие на содержание

мыслительной работы прослойки, называемой интеллигенцией. Здесь тоже произошли в XX веке определенные сдвиги, которые изменили основу классической культуры. Повторяю, чтобы понимать ситуацию разума в терминах рационалисти-ческой философии, понимать сам феномен рационализма, нам нужно в качестве первого шага понять социальную базу определенного рода идей. Я сказал перед этим, что в отличие от современного общества, для которого характерно появление массы, являющейся потребителем идеологий, суще-ствовало

традиционное общество с минимумом людей, выбитых из социальных и культурных ячеек. То есть, минимум людей без корней. И положение этих людей, несмотря на такое обстоятельство, было устойчивым, ибо, занимаясь духовным производством, они реализовывали некоторую монополию на интеллектуальный труд. Иными словами, в область духовного производства попадали люди, имеющие или досуг, или достаток; они занимались духовным производством на свой страх и риск. Взаимоотношения духовных производителей с обществом не

выливались тогда в формы наемного труда, т.е. тогда не было, говоря современным языком, научных институтов, где, например, люди получали бы зарплату. Таким образом, это было своего рода просвещенное меньшинство, которому судьба или какие-то другие обстоятельства, в которые я сейчас входить не буду, подарила возможность заниматься сознанием и духом. И это меньшинство как бы монополизировало это занятие в том смысле, что оно занималось им за счет других основных масс общества и, что очень важно, не просто за счет других, а вместо других и за других.

Отсюда, например, вытекает сознание ответственности этих людей перед обществом и непросвещенным большинством, опекунская, просветительская позиция по отношению к большинству и т.д. Они считали, что нужно знать, видеть, понимать за других во имя их блага, поскольку они по каким-то причинам не просвещены, не грамотны, не имеют доступа к образованию и культуре. Я описываю вам классическую, просветительскую либеральную позицию и состояние интеллигенции. Но ведь просвещать, знать за других, во имя блага других,

можно от имени кого-то. Кого-то с большой буквы. Так ведь? От имени чего-то, что ты знаешь.

Следовательно, подобное обстоятельство - монополия на выполнение духовного или интеллектуального труда предполагает одну посылку, которая была фундаментом всей классической культуры. Это посылка приобщенности интеллигенции к внутреннему, истинному строению и плану мира. То есть с точки зрения того, я уверен, что в силу своего положения, в силу того, что я привожу интеллектуальные инструменты в действие, чтобы что-

то знать, понимать, писать книги, рисовать, сочинять политические памфлеты, я и нахожусь в такой точке, из которой мне и только мне видна Истина, Красота, Правда, и поэтому я могу просвещать народ, руководить им, опекать его, защищать его и т.д. То есть, интеллигенция - это как бы невралгическая точка, в которую сходятся все знания, мысли, состояния, крики гнева и радости из всех частей общественного тела, которое само по себе лишено языка и мозга и говорит лишь через один язык и мозг, а именно - мозг просвещенного слоя интеллигенции.

Значит, такая ситуация, повторяю, предполагает некоторую уникальность труда, факт наличия меньшинства, которое приобщено к культуре и духовному производству, предполагает монопольную форму этого произ-водства, и отсюда вырастают все эти установки, из которых главная для нас - сознание того, что в силу моего положения я уже приобщен к знанию; ну, скажем так, к знанию замыслов провидения. К тайному, скрытому плану истории или мироустройства.

Так вот, это и есть философское представление, и оно является продук-том, унаследованным

европейской культурой от греков, а именно, продуктом древней философской идеи различия двух миров - скрытого, действительного мира и мира явного, открытого. То есть, различения между миром истины и миром мнения или заблуждения. Есть мир истины, т.е. мир знания о чем-то, что требует, чтобы быть понятым, каких-то специальных процедур, актов мышления и размышления, и что, тем самым, не дано само собой, что нужно еще узнать, а не просто увидеть. И есть другой мир, который дан нам в наших представлениях, спонтанных мнениях, которые

склады-ваются как бы сами собой, даются нам какой-то традицией. Значит, есть мир по истине и мир по мнению.

Дальше я эту идею подробно не буду объяснять, пока мне достаточно сказать, что то, что я называл интеллигенцией, и есть тот слой людей, которому дано при затраченном, разумеется, труде и усилиях знать, каков мир по истине. И с позиции этого знания сообщать нечто другим, которые естественным образом живут в мире по мнению, сообщать им, каков этот мир, помогать им просвещаться. Ибо просвещение и опека обязательно

предполагают существование невидимого мира по истине. Поскольку он невидимый, то и нужно, следовательно, обладать искусством в видимом или через видимое увидеть невидимое. И это невидимое есть как раз истинное, то, что есть на самом деле, а не то, что нам кажется.

Значит, традиционно философия, разум, наука считались именно такими занятиями, которые приобщают нас к миру по истине. К миру как он есть, а не как он нам кажется. Грубо их можно назвать поверенными провидения. Или поверенными чиновниками

провидения. Хотя это скрывает, повторяю, глубокие философские идеи, предполагающие, что в мире самом по себе, в том истинном мире, который мы можем не знать и не видеть, есть смысл, есть порядок, есть план. Это не написано на очертаниях мира, на этих вот деревьях или на том вот здании в особенности, которое вы видите напротив из окна, на нем не написано, что это все каким-то образом упорядочено и имеет смысл. Сказать, что в этом есть смысл, значит уже внести какое-то предположение. Поэтому, когда я говорю "смысл", я не говорю - вот

стоит дом. Это просто описание того, что я вижу. Но если я могу показать, что существование этого дома имеет смысл в каких-то замыслах истории и провидения, то тем самым, я высказываю уже философскую мысль.

Повторяю, предположение, что мир сам по себе устроен каким-то рациональным, т.е. упорядоченным, осмысленным образом, есть предположение или предпосылка, которая может быть и опровергнута. Нам ведь совсем не ясно, есть ли в истории, т.е. в смене времен, социальных устройств, в смене нравов, в смене событий куда-то

ведущий замысел и план. Или, говоря на другом языке, есть ли в истории прогресс? То есть, устроена ли история, как целое, таким образом, что в ней есть движение от непросвещенного и дикого, насильственного к справедливому, мирному и т.д.? Человеку ясно, что отдельные его поступки и акты могут характеризоваться справедливостью или несправедливостью, разумом или неразумием и т.п., но другое дело перевести эти понятия на мир в целом, на то, как он устроен. И предполагать, допустим, что хотя может быть землетрясение, т.е. гибель тысяч людей, но мир тем не

менее устроен разумно, он идет к лучшему. А землетрясение просто случайность. То есть, я ввожу вам тем самым еще одну философскую тему, связанную с первой. Первая - это идея порядка, из которой исходила традиционная, классическая философия. Разумного порядка, распространявшегося на мир в целом. И отсюда вторая тема: поскольку мы наблюдаем, что в мире тем не менее есть разрушения, несправедливость, в том числе землетрясения и пр., то как это оправдать? Как это понять? Почему? Почему мир, который обладает каким-то разум-ным внутренним

планом, доступным нам, интеллектуалам, как этот мир может позволять себе разрушительные события? Это так называемая проблема, если говорить на философско-теологическом языке, теодицеи. Или оправдания Бога; Как Бог, который всеблаг и всемогущ, может допустить эмпирически наблюдаемые факты разрушения, несправедливости, угнетения, насилия и т.д.? То есть, я хочу сказать, что хотя была посылка о разумности мира, люди, которые эту посылку ввели, не были дураками, чтобы не видеть этот столь очевидный факт противоречия. Но они мыслили на определенном

теоретическом языке (в дальнейшем я попытаюсь пока-зять, что без такого языка мы вообще мыслить не можем), на определенном философском воляпюке, внутри которого, уже на своем языке они обсуж-дали то, что знает каждый; в том числе и то, что в мире бывают землетрясения, несправедливость и т.д., несовместимые с разумными или, назовем его, божественным планом мира. Все это и породило прогрессистскую интеллигентскую идеологию, или философию, венцом которой явилась философия Гегеля. У Гегеля вообще весь ход истории выглядит как расписанный маршрут,

по которому движет-ся рота,
одерживающая непрерывные победы,
как движение мирового духа от
меньшей свободы к большей, от
меньшего осознания свободы к
большему ее осознанию, т.е.
последовательно и планомерно.
Кстати, осадки этого представления,
которое у Гегеля имеет смысл и
является органическим элементом
его философии, можно найти и в
вульгарных вкраплениях в
марксистскую философию, как
правило, они встречаются на
страницах учебников. Это
представление о неумолимом
движении общества к комму-низму,

проходящему как бы заранее
запланированные этапы. Иногда,
когда читаешь такие тексты, то
невольно думаешь, что уже в
устройстве, в структуре первичных
туманностей было записано, что все
развернется таким вот образом. То
есть, что из какого-то студня вначале
возникнет жизнь человеческая, и она
окажется сперва первобытно-
общинным строем, затем из
первобытно-общинного строя как бы
по заранее заданному плану появится
рабовладельческий строй, потом
феодальный, потом капитализм,
потом социализм и, наконец, -
коммунизм. Вот это и есть осадочное

представление, заимствованное из классической философии. В классической философии, повторяю, оно имело смысл, ибо оправдывалось всем ее целым. А в своем осадочном виде это представление уже смысла не имеет. Чтобы еще раз пояснить все это, показать всю глубину пропасти, над которой повис разум, приведу один забавный, очень характерный исторический пример. В 1789 году, когда происходила французская революция, которая частично, во всяком случае в своем словесном пространстве и в сознании, была продуктом как раз философии

просвещения, т.е. была связана с некоторой группой людей, знавших тайное устройство мира и пытавшихся представлять интересы от имени Свободы, Равенства и Братства, а поскольку они себя так вели и признавали, то и слов, естественно, много произносили; французская революция, как известно, развивалась не только на уровне социально-политических и военных акций, но и сопровождалась бурными словесными баталиями во время заседаний Националь-ного собрания, где все происходящее и все бывшее тут же осмысливалось, укладывалось в

какие-то формулы - понятийные и словесные; так вот, в этом году, в самый разгар начала событий в адрес одной из комиссий Национального собрания от одного английского философа пришло письмо, представлявшее собой социально-философский трактат. Письмо, написан-ное английским философом Бентамом, называлось "Паноптикон, или руководство по управлению народом в целях его блага". Что это за Панопти-кон? В русском языке это слово приобрело иронически-уничижительный оттенок, а именно "паноптикумом" мы называем собрание или коллекцию каких-либо

странных, нелепых чудовищ. В действительности же паноптикон означает несколько иное: пан - в переводе с древнегреческого означает - все; оптикус - зрение, видение. То есть, в переводе на русский язык - это видение или зрение, а точнее, охват зрением всего. По Бентаму, паноптикон есть некоторая точка или, если угодно, башня, дающая возможность всеобщего обозрения, из которой все видно. То есть, глаз сидящего в такой башне, легко охватывает все прилежащее к ней. Скажем, Бентам считал, что можно представить себе тюрьму, детский дом, любой социаль-ный институт и

даже общество, как нечто такое, что может быть охвачено взглядом, видящим все насквозь. И если бы мы имели такой взгляд, такое зрение, если бы мы в точности знали, глядя из такой башни, все, как если бы я смотрел на вас и видел не ваши глаза и не вашу телесную оболочку, а то, как вы устроены внутри, т.е. знал бы человеческую природу - почему человек реагирует, что его волнует и радует, что огорчает или оставляет равнодушным и т.д., то можно было бы, говорит Бентам, иметь могучий инструмент построения общества и человека. Или, иными словами, если бы можно было, а он считал, что это

возможно, полностью познать социальную среду и то, как она воздействует на человека, то определенной организацией и манипуляциями с этой средой можно было бы получать заранее вычислимые и предсказуемые результаты. То есть, организовывая определенную систему обстоятельств вокруг человека и исходя из того, что воздействие среды на него имеет решающее значение, имея это паноптикумическое знание о среде, можно совершенно определенно управлять отдельным человеком. Здесь, разумеется, нет еще

циничного проекта оболванивания человека, поскольку существовала одна предпосылка. У Бентама и у всех представителей либеральной просветительской философии была предпосылка необходимости добра для человека, т.е. все должно было делаться во благо человеку. Но ведь интеллектуальные инструменты, используемые как во имя блага, так и зла, одинаковы. Следовательно, когда я говорю, что делается то-то и то-то во имя блага человека, то ясно, что делается кем-то, кто сам, очевидно, этого делать не может. Так кто же это, кто знает это благо? Я подчеркиваю, что здесь не та

предпосылка, что кто-то желает блага для людей, как, например, просветительская интеллигенция. Я обращаю ваше внимание не на само собой разумеющийся характер этих мысленных и культурных построений, а на их предпосылочность. Значит, здесь есть посылка, что благо кому-то известно, и этот кто-то, сидящий в паноптиконе, в этой все обзирающей башне, во благо людей строит, например, психиатрические лечебницы, поскольку он ведь видит все, всех пациентов, все воспитательные учреждения, тюрьму, общество - он все это

преобразует, чтобы получить
желаемый человеку результат во имя
блага самого же человека.

Вот, грубо говоря, интересующая нас
ситуация. То есть, с одной стороны, в
мире допускается смысл и порядок,
история допускает в себе план. а с
другой стороны, мы имеем гаранта
знания об этом плане, о скрытом
замысле истории и об
упорядоченности этого мира. Этим
гарантом является интел-лигенция,
интеллектуалы. И, вот, прежде чем
указать теперь вам на то изменение,
которое произошло в основаниях
этой ситуации разума на уровне
сознания интел-лигенции, поскольку

именно изменение ее сознания является решающим для понимания эволюции философии, я напомним одну фразу, один ход мысли, с которого, на мой взгляд, мы и можем датировать нашу современность. Первым актом современного сознания была, на мой взгляд, одна странная фраза, к сожалению, потом не полностью развернутая в точных понятийных терминах, сказанная Марксом еще в молодости, а именно: Хорошо, среда воспитывает человека, говорит Маркс; о среде знают люди, которые называются воспитателями. Но кто воспитывает воспитателей? Собственно, с этого и

начиналось движение его мысли и наше современное сознание, которое может выражаться в марксистских терминах, а может и не выражаться, но будет все равно современным в том смысле, в котором это слово я употреблял в прошлый раз как нечто, требующее от нас усилия, чтобы что-то воспринять. Так кто же они, откуда, эти воспитатели воспитателей? Вот вопрос, оспаривающий традиционную предпосылку. Раньше факт знания истинного устройства мира казался само собой разумеющимся. Кто-то по положению это знал, по призванию, занимаясь профессионально этим

делом. Он не был напрямую связан с обществом, т.е. не работал ни на кого, а выполнял свободную профессию. Он как бы упражнял свободную функцию духа. Уж он-то знает! Отсюда вытекало его право на воспитание и просвещение других. Повторяю, вопрос гласит: а кто это? Откуда? Почему? На каких основаниях? Кто воспитывает воспитателей? Все последующее развитие философской культуры и духовной ситуации фактически воспроизводило в разных формах снова и снова именно этот вопрос. Таким образом под сомнение была поставлена сама посылка некоего

привилегированного знания,
посылка, что кто-то по привилегии,
по своему положению может знать
Истину с большой буквы и, став на
позиции этой истины,
перестраивать, преобразовывать
жизнь других. Причем, иногда даже
силой. Есть одно хорошее
выражение, не знаю, кто его
придумал, не могу точно проследить
его истоки, а именно: в истину
можно тащить и силой. То есть,
предполагается, что человек может и
сам не знать, что ему хорошо, а что
плохо, и поэтому появляется право
тащить его в истину силой. Ну,
скажем, существование такого права

хорошо представлял себе Чернышевский. Он считал, что можно притащить людей в истину, известную ему, конечно, заплатив за это (он даже называл цифру) жизнью 70 или 80 тысяч людей. И вовсе человек не кровожадный был, желающий добра. Желание им добра не может быть поставлено под сомнение.

Но работают не наши желания, даже самые добрые, а работают механизмы. А мы лишь участвуем в этих механизмах в меру своего ума или глупости. Под словом глупость, я повторяю, не имею в виду нашу психо-логическую способность. Это

нечто совсем другое и для дальнейших моих рассуждений, я прошу вас, всегда иметь в виду, что когда что-нибудь в философии говорится, что в ваших ушах звучало бы как указание на какие-то человеческие свойства - на ум, на глупость, на бесталанность, то вы останавливайте в себе эти ассоциации, потому что философия не об этом. Философия мыслит в терминах духовных усилий человека, в терминах описания культурных, социальных, интеллектуальных механизмов, а не в терминах его биологических способностей. Итак, интеллектуальная ситуация, в

которой оказался мир, требует от нас усилия, работы. И эта работа связана прежде всего с той проблемой, о которой я говорил, с тем, что философия называет точным мышлением. То есть, с умением мыслить точно. Вопреки видимости, вопреки идеям, которые спонтанно возникают вне тебя и спонтанно же приходят в голову тебе и т.д. Глупость в этом смысле - не то, что ты думаешь, прилагая усилие, а то, что думается само собой. Что думается другими. Что приходит без твоего усилия, без акции напряженного состояния. Или - иначе: что кто-то или что-то играет нами. Назовем это

"что-то" дьяволом, когда мы не мыслим точно, совершенно независимо от того, какие мы умные, талантливые, в биологическом смысле слова, или какие у нас. намерения. Как философ, говоря об идеологии представительства знания, я полностью отвлекаюсь от намерений. Я говорю: Чернышевский вовсе не был дурак и злой человек. Просто, с философской точки зрения я описываю ситуацию, в которой, не мысля точно, мы оказываемся жертвой чего-то другого, что играет за нашей спиной. Об этом и рассуждает философия.

Но возвратимся к вопросу, который был задан Марксом, отвлекаясь при этом от того, как он был воспринят затем в марксистской традиции. Но он был задан, и в нем, повторяю, звучит наше современное состояние. Так вот, фоном, в глубине за этим стояло очень существенное социальное изменение, которое произошло в самих основах бытия интеллигенции. Суммарно говоря, это изменение, ставшее решающим, отразившееся затем на уровне ментальности, на уровне слов и понятий, состоит в том, что духовное производство, которое раньше было уделом привилегированного

меньшинства, монополизировавшего по вполне понятным, бывшим тогда социальным механизмам, умственный труд, превратилось в массовое. То есть вовлекло в себя массы людей, помимо традиционных социальных различии.

Социальными процессами истории оказалась размыта сама основа привилегии интеллектуального или интеллигентного труда, с одной стороны, а с другой, - исчезли, практически совсем, свободные профессии, в результате чего акт выполнения интеллектуального труда стал осущест-вляться в формах наемного труда. То есть, в формах

более сильных связей с обществом и определенным классом. И таким образом оказались решены первичные, примитивные просветительские задачи буржуазно-демократических революций, т.е. задачи грамотности, всеобщего просвещения, в смысле умения читать, писать, формулировать какие-то мысли, социальные программы и т.д. В общем, в акт выражения того, что в действительности в обществе происходит, оказались вовлечены миллионы людей, помимо, повторяю, традиционных, социальных, кастовых и пр. делений. Если рань-

ше существовали перегородки трудно
проходимые для индивидов, то
теперь эти перегородки рухнули.
Значит, духовное производство стало
массовым. С другой стороны, -
изменилась социальная форма, в
которой интеллектуальный труд
выполняется, она стала все более
приближаться к форме наемного
труда, т.е. интеллектуалы оказались
служащими определенных
учреждений, социаль-ных
институтов, классов и т.д. Претензия
на универсальность, на универ-
сальную полицию свободного духа,
витающего над обществом, когда, не
будучи повязанным никакими

интересами, конкретными социальными связями, я мог представлять все общество, как целое и быть его универсальным представителем, исчезла. Ну, скажем, вдумайтесь в такой феномен, как университет. Переведите это слово на русский язык, и вы поймете, что это место, куда сходятся для того, чтобы получить универсальное образование. Феномен университета, универсальности был когда-то выражением общего духа европейской культуры.

А теперь, представьте научного сотрудника Академии наук. Может ли он иметь то сознание, которое я

вам описывал как универсальное? Тем более, что в науке и культуре появилась форма разделения научного труда. Это тоже, кстати, очень важный факт, повлиявший на ситуацию разума. Ведь, что такое универсализм? Кроме всего прочего это означает, что продукт интеллектуального труда целиком находится в поле зрения того, кто его производил. Производитель философской системы, научной теории, художественной картины был как бы слит раньше с инструментами производства своего продукта и с самим продуктом. Он находился от начала и до конца в

поле внимания и контроля
производителя. Или, иными словами,
можно сказать так: здесь не было
такого разделения труда, чтобы
какая-то часть моего продукта
ускользала вообще от меня и
делалась бы где-то другим. Ну,
например, вот этот магнитофон. Он
явно не произведен от начала и до
конца одним лицом, ремесленником.
Но где-то ведь он сложился в целое?
Он сложился в целое в каком-то
анонимном пространстве.
Так вот, раньше интеллектуальный
труд был лишен таких признаков
мануфактуры. И тем более, конечно,
фабрики. А сейчас мы имеем дело с

фабриками, причем, в том числе и в науке, когда один занимается одним, второй другим, а третий анонимен, у него нет лица.

Значит, появляется безличность продуктов интеллектуального труда. И особенно эта безличность проявляется в следующем феномене, имеющем прямое отношение к идеологии, анализ которой мы и находим впервые, правда, в сложном еще понятийном виде у Маркса. Происходит интересная вещь параллельно с массивификацией духовного производства. Очень интересная вещь, проясняющая феномен идеологических социальных

структур. Коротко суть ее в следующем.

Если раньше классическое буржуазное общество характеризовалось тем, что социально-экономические связи и цели тех или иных классов реализовывались стихийным, спонтанным образом, минимально затрагивая сферу сознания, и с этим была связана определенная слабость, размытость идеологических структур, сознание как бы оставляли тогда в покое, оно автоматически воспроизводило нужные представления, стандарты мысли, навыки, привычки, обслуживавшие

те или иные социальные системы, то в XX веке оно стало фабриковаться, причем, по законам науки и специально, вещественно распространяться, чтобы воспроизводить в головах людей те или иные социальные проекты и задачи. Но об этом в следующий раз.